

Иылмаз Гюней: «Бороться за свободу!»

Фильмы известного турецкого кинорежиссера Иылмаза Гюнея, талантливого и мужественного художника, рассказывают о нелегкой жизни его народа, борьбе за лучшее будущее. Живя в настоящее время в эмиграции, он продолжает активную творческую работу. Герои его новой картины, к созданию которой он недавно приступил, — турецкие патриоты, отстаивающие демократические права и свободы в своей стране.

Лауретта КОЛОННЕЛЛИ

«ЕУРОПЕО», МИЛАН.

Настоящее имя Иылмаза Гюнея, которого кинокритики всего мира называют сегодня самым крупным турецким кинорежиссером, Иылмаз Пютюн. Соотечественники считают его народным героем. История его жизни — это почти легенда.

Последний фильм Гюнея «Дорога» был удостоен в 1982 году на Международном кинофестивале в Канне высшей награды — «Золотой пальмовой ветви». Принимая ее, Гюней приветствовал зрительный зал поднятой сжатой в кулак рукой. Храня верность коммунистическим идеалам, 45-летний режиссер провел большую часть своей жизни в турецких тюрьмах. Год назад ему удалось бежать, и с тех пор он живет то во Франции, то в Швейцарии.

В Турции в короткие перерывы между пребываниями за решеткой Гюней снялся как актер примерно в сотне фильмов и участвовал как режиссер и сценарист в создании более 10 картин. В 1980 году, когда к власти в стране пришло военное правительство, фильмы Гюнея были запрещены, реклама его картин уничтожена, фотографии с изображением режиссера изъяты из газетных киосков.

— Я уверен, что мой народ меня не забыл, — говорит Иылмаз Гюней, — хотя сейчас трудно найти в Турции человека, готового вступить за мои фильмы. Статья № 311 уголовного кодекса предусматривает тюремное заключение для каждого, кто посмеет положительно отзываться об их авторе...

Он сидит передо мной в небольшом ресторанчике на окраине Парижа. Мелкая сеть морщин покрывает его смуглое лицо, обрамленное седой шевелюрой и усами. В глазах — глубокая скорбь, беспокойство. Невольно вспоминаешь названия его фильмов — «Беглецы», «Отчаявшиеся», «Несчастные», «Надежда», «Скорбь», «Беспокойство». В них рассказывается о жизни пастухов, крестьян, заключенных. Съемками многих из этих лент Гюней руководил из тюрьмы.

— Как вам это удавалось?

— В Турции все виды искусства, и в особенности кинематограф, подвергаются необычайно строгой цензуре. Я должен был каждый раз представлять цензурной комиссии краткое изложение сюжета своей очередной картины. Содержание фильма «Дорога» уместилось на 20 страницах. Но окончательный сценарий ленты родился уже в ходе съемок. Мой ассистент Шериф Гёрен навещал меня в тюрьме, и во время каждого посещения я передавал ему пачку листов, где описывал в мельчайших подробностях каждую сцену, каждый жест актера, каждый поворот кинокамеры. Затем в тюрьму приходили сами актеры, и я разыгрывал перед ними роли, которые они должны были исполнять. Работая над фильмом, я просил заключенных рассказывать мне об их жизни. Услышанное изложил в пяти новеллах, в которых повествуется о судьбах пяти уз-

Витторио Де Сики, познакомился с игрой актеров Сильваны Мангано, Амедео Надзари, Витторио Гассмана, а также Тото.

— А каким был тогда турецкий кинематограф?

— Турецкие фильмы больше походили на театральные спектакли, потому что режиссура, сюжеты, игра актеров были полны условностей. Лишь в 60-х годах Люфти Акад впервые вышел на улицу, чтобы снять на киноленту сцены повседневной жизни с участием непрофессиональных актеров. Вслед за Акадом появились другие

Иылмаз Гюней во время съемок своего нового фильма «Стена, или Хроника одной тюрьмы».

«Экспресс», Париж.

ников. Картина повествует о людях, которых отпустили на неделю из тюрьмы домой и которые стали жертвами феодальных пережитков.

— Кто же взял на себя смелость снимать эту картину?

— Компания «Гюней-фильм-дилки». Я основал ее в конце 60-х годов, когда мои успехи на актерском поприще позволили мне создавать фильмы, о которых я всегда мечтал. Мысль о работе в кино зародилась у меня еще тогда, когда я поступил в лицей в Адане, в самом центре Анатолии. Мой отец, крестьянин, говорил: «Сын мой, ходи в школу, учись, чтобы тебе не пришлось, как мне, быть рабом какого-либо помещика». Я решил учиться и, чтобы прокормить себя, должен был работать. Летом — на полях, а зимой — в одной кинопрокатной компании. Я ездил по деревням и показывал фильмы. Первые увиденные мною ленты были итальянскими картинками, искромсанными цензурой. Я посмотрел работы Роберто Росселини, Чезаре Дзаваттини,

талантливые кинорежиссеры, такие, как Мемдух Ун и Халил Рефиг, но им было нелегко создавать высокохудожественные картины, потому что турецкий рынок наводняла чужестранная коммерческая кинопродукция.

— В тот период вы и начали свою карьеру киноактера?

— Мой друг предложил мне написать для его будущего фильма сценарий, и я согласился при условии, что сам выберу для себя роль, которую буду играть. Лента называлась «Два смельчака» и имела успех. С тех пор я всегда снимался в фильмах, для которых писал сценарии. Эти картины демонстрировались в небольших зрительных залах на окраинах, ибо крупные кинотеатры отказывались их показывать. Мои фильмы смотрели ремесленники, чистильщики обуви, механики. С каждой картиной знакомились от 6 до 8 миллионов зрителей. Мои ленты стали символом борьбы против нищеты и угнетения. Большую часть заработанных денег я отдавал нуждающимся товарищам.

— С тех пор вы считаете себя коммунистом?

— Я стал коммунистом, почти сам того не ведая. В 1958 году меня приговорили к 18 месяцам тюремного заключения за то, что я опубликовал в одном журнале повесть «Уравнение с тремя неизвестными». То была история о девушке, которая работает на фабрике и получает так мало, что ей приходится торговать собой. В конце концов она восстает против такой жизни... Меня обвинили в том, что я занимаюсь коммунистической пропагандой. Тогда я не знал даже значения слова «коммунизм». Меня посадили в тюрьму, и там начались мои университеты. Я начал изучать экономику, право, философию, искусство, мировую литературу. В 1971 году, когда меня снова бросили в тюрьму по обвинению в укрывательстве революционно настроенных студентов, мне удалось тайком прочитать произведения Маркса, Ленина. Их передавали друг другу политические заключенные, и если тюремщики обнаруживали эти книги, то узнику увеличивали срок пребывания за решеткой на шесть месяцев.

В тюрьме я написал два романа и сборник новелл, которые были опубликованы в СССР, Чехословакии, а также в Иране после свержения шахского режима.

..А между тем фильмы томившегося в застенках кинорежиссера Иылмаза Гюнея демонстрировались на экранах многих стран мира. В 1974 году известный американский кинорежиссер турецкого происхождения Элия Казан посмотрел в Париже фильм Гюнея «Надежда». Он писал тогда в одной из стамбульских газет, что «Надежда» — необычайно поэтическая картина, глубоко национальная, свободная от влияния Голливуда. Гюней прочитал эту статью в тюрьме, и она вдохновила его на создание новой ленты — «Беспокойство». Как только режиссера освободили, он приступил к съемкам этого фильма в Ямурталыке, на южном побережье Турции. Но некоторое время спустя его снова бросили за решетку.

Элия Казан, приехавший в 1978 году в Турцию, навещал Гюнея. Казан прибыл в тюрьму «Топташи» на окраине Стамбула рано утром в субботу, в первый день байрама, мусульманского праздника, во время которого заключенные имеют право на свидание с родными. Гюней сам открыл дверь камере и впустил Казана.

— А разве здесь нет охранников? — спросил Казан.

— Есть, — ответил Гюней.

— Они быот заключенных?

— Бывает.

— Вы могли бы отсюда убежать?

— Как и из всех тюрем, где я сидел.

— Если бы вы бежали, вы смогли бы уехать из страны...

— Люди, находящиеся у власти, были бы очень рады, если бы я уехал, но я этого не сделаю. Я буду бороться за наше дело до конца своей жизни и у себя на родине.

— Считаете ли вы, что ваша жизнь в опасности?

— Они вполне могли бы убить меня. Мне приходится вести себя осторожно. У меня есть надежные друзья.

..Но в 1981 году во время праздника байрама, ровно через три года после той встречи, Гюней решил бежать.

— Вы изменили свою точку зрения?

— Я бежал из тюрьмы не для того, чтобы вернуть себе свободу, а чтобы иметь возможность бороться за нее до конца.

— Вы курд. Отражается ли это каким-то образом на ваших фильмах?

— В фильме «Дорога» некоторые диалоги и песни исполняются на курдском языке, запрещенном в сегодняшней Турции. Я помню курдские народные песни, которые пел мой отец; легенды, которые моя мать рассказывала зимними вечерами. Но мы тогда уже жили в Адане, то есть далеко от родных мест. Псевдоним, который я себе взял, — Гюней — означает по-курдски «юг».

— Когда вы сменили фамилию?

— После первого заключения в тюрьме. Мне не позволяли подписывать сценарии моей настоящей фамилией.

..Гюней говорит, что приступает к съемкам нового фильма.

— О чем будет рассказывать картина?

— О Турции. Мне приходилось слышать такие разговоры: после того, как Гюней покинул свою родину, вдали от нее и своего народа он уже не сможет ничего создать. Я хочу опровергнуть это.

Я работаю также над документальным фильмом для телевидения о своем творчестве. Я кинорежиссер, которому не давали работать более десяти лет. Это будет прежде всего фильм о человеке, разлученном с искусством, о художнике, который наконец вновь обрел возможность творить.